

точно. Необходимо, впрочем, рассматривать звуковой тип как относительную величину; что в одном языке относится к одному звуковому типу, то в другом языке может относиться к двум различным звуковым типам. Я предпочел бы обозначать вариант как звуковой тип, иными словами — понимать под звуковым типом типический звук (*einen typischen Laut*), абстракцию, например, всех звуков [e], которые встречаются в русском языке в определенной позиции. Тогда можно было бы обозначать вариант как звуковой тип первой степени, а фонему — как звуковой тип второй степени.

Шаумян полагает, что определение фонемы Щербой — Джонзом является основанием для рассмотрения русских [y], [i], как двух самостоятельных фонем; основание для этого, однако, значительно более существенное. Всякий фонетист (это опять раскрывает тесное переплетение фонетики и фонологии) является до известной степени фонологом, потому что даже установление известной системы гласных или согласных возможно лишь с точки зрения фонологии (быть может, и неосознанной). Иначе никто не мог бы выделить из бесконечного разнообразия произносимых звуков «гласные» и «согласные». Но часто отсутствует единство критериев; звуки [e] в *это* и *эти* рассматриваются как одна фонема, потому что их расхождения объясняются только характером согласного. Так как [y], [i] развились из различных гласных [ū] [ī], к тому же *i* еще в доисторическую эпоху смягчило предшествующий согласный, они рассматриваются как два гласных. Решению проблемы помогает, однако, понимание того, что и взаимодействие звуков в слове или предложении претерпевает коренные изменения.

В древнеславянском гласные по преимуществу влияли на согласные, гласные переднего ряда смягчали (палатализировали) особенно предшествующие согласные. Смягченные согласные развивались затем до известной степени независимо от влияния гласных (иногда вопреки этому влиянию). Так, например, в третьем лице настоящего времени в русском языке произошло отвердение конечного согласного [t]. Так и [š], [ž], [c] стали твердыми и оказали влияние на последующие гласные. В ходе этого развития гласные [y], [i], которые уже раньше сильно сблизились (по сравнению с отношением [ū], [ī]), превратились в варианты: после [š], [ž], [c] — [i] перешло в [y]; по аналогии с родительным падежом имен существительных женского рода основ на [y] с твердым согласным, имевшими окончание [ɛ], и родительный падеж основ с мягким согласным получил вместо [ɛ] окончание [i] и т. д., так что и в склонении [y], [i] соответствуют друг другу, так же как и варианты гласных [a], [o], [u], звуки [y] [i] в современном русском языке не только коррелируют друг с другом, но они по сравнению с другими русскими гласными «несовершенны»: четырем вариантам [a] в *мат*, *мать*, *мят*, *мать* противостоят только два варианта [y], [i]: *быт*, *быть*, *бит*, *бить*; взятые вместе, они полностью соответствуют системе русских гласных; в качестве доказательства могут служить примеры *Иваныч — Ильич*, *жены — земли*, поскольку здесь суффиксы варьируются лишь под влиянием предшествующего согласного. Отношение гласный — согласный (кто на кого влияет?) по сравнению с древнеславянским изменилось коренным образом. Все согласные (исключая [ž], [š], [c], [č], [šč], [j], выступают (независимо от их окружения) как мягкие и твердые: *дан — дань*, *лежат — лежать* и т. д. Во всей звуковой системе современного русского языка независимость согласных от гласных так же очевидна, как и зависимость гласных от согласных: существуют мягкие и твердые (палатализованные и непалатализованные) согласные фонемы, но только варианты гласных (зависящие от согласных) *мать — мять*, *быт — быть*. На этом основании было бы непоследовательно утверждать, что в *бить* и в настоящее время гласный влияет на согласный (это ведь является одним из основных доказательств в пользу рассмотрения [y], [i] как двух фонем). Последнее утверждение основ-